

СМЕНА СТРУКТУРНЫХ ДОМИНАНТ КАК ФАКТ ВТОРИЧНОГО СЕМИОЗИСА

Художественный текст существует в двойном структурном поле, которое складывается из тенденций к осуществлению закономерностей и их нарушению. Одним из таких типов нарушения формальной целостности структуры художественного текста может быть смена структурных доминант: в тот момент, когда какой-либо структурный элемент приобретает черты автоматической предсказуемости, он уходит на задний план, а структурная доминанта переходит на другой, еще не автоматизированный уровень. Смену структурных доминант можно рассматривать как факт вторичного семиозиса.

В понимании единиц и средств вторичного семиозиса в художественном тексте мы отталкиваемся от определения знака, предложенного Ю.С. Степановым: «Начертание слов, знаки препинания, многоточия, абзацы, расположение строк <...> прописные буквы и даже характер шрифта играют роль знаков. При этом их знаковый характер коренным образом отличается от того, какой они могут иметь в практической речи. <...> В речи художественной они есть часть самого знака, его означающее, и, следовательно, их связь с означаемым непосредственна» [Степанов 1965: 326].

Вопрос о выделении текстообразующих доминант уже ставился в современном языкознании. Принцип доминанты как физиологическое понятие (как временно господствующий очаг возбуждения в центральной нервной системе, создающий скрытую готовность организма к определенной деятельности, как организующий принцип поведения человека) был сформулирован А.А. Ухтомским в 1911 – 1923 годы. По мнению А.А. Ухтомского, доминанта должна определять и характер восприятия мира человеком [Ухтомский 1966: 90]. Л.С. Выготский распространил принцип доминанты как универсальный на анализ литературно-художественного текста (в первую очередь на анализ его восприятия) и исследование психологии искусства [Выготский 1965: 206].

Впоследствии термин «доминанта» использовался неоднократно в трудах многих ученых, как литературоведов, так и лингвистов, и трактовался в зависимости от подхода – формально-структурного (Р. Якобсон), психологического (А.А. Ухтомский, Л.С. Выготский), психолингвистического (В.А. Пищальникова, В.П. Белянин), идейно-содержательного (В.А. Кухарен-

ко), коммуникативного (Г.А. Золотова) и др. В соответствии с подходами выделяются различные типы доминант: рематическая (Г.А. Золотова), эмоционально-смысловая (В.П. Белянин), грамматическая (Е.И. Шендельс, О.И. Москальская).

В частности, обращаясь к проблеме восприятия и понимания текста, А.И. Новиков приходит к мысли, что используемая при восприятии текста транспозиция может заключаться в «стяжении» содержания «за счет установления отношения между...выражающим это содержание фрагментом текста», величина которого может быть какой угодно, например, «может колебаться в достаточно широких пределах», и «поставленной ему в соответствие некоторой другой единицей, значительно меньшей в количественном отношении, но способной замещать это содержание на другом уровне репрезентации» [Новиков 2001: 178]. Как пишет далее А.И. Новиков, «установленная между этими уровнями репрезентации субъективная связь конвенционального характера базируется на отношении функциональной значимости. Оно возникает в результате соотносительности воспринимаемой информации со смысловой сферой личности и оценки этой информации с точки зрения ее места и роли в этой смысловой сфере. Вследствие этого замещающий элемент образовавшейся конвенциональной пары приобретает статус выделенности, особой значимости, определенной ценности. Это превращает такой элемент в доминанту, то есть точку, выступающую из общего фона, образуемого линейной последовательностью текстовых единиц» [Там же: 178]. Такая идентификация текстового смысла происходит во внутренней речи, что было в свое время доказано и Н.И. Жинкиным [Жинкин 1958: 90 – 92].

А.И. Новиков считает, что именно доминантность, «возникающая на основе транспозиции в процессе восприятия текста, представляет собой один из наиболее общих и существенных принципов, на основе которого возникает и функционирует смысл». В качестве одного из возможных «механизмов смыслообразования» А.И. Новиков рассматривает такое «ментальное устройство, которое преобразует линейную последовательность каких-либо единиц в иерархическую структуру». Опираясь на результаты проведенных экспериментов, а также на философские и психологические исследования, проведенные другими учеными, А.И. Новиков приходит к выводу, что смысловая структура является принадлежностью не текста как такового, а смысловой сферы личности, воспринимающей и осмысливающей текст. Иначе говоря, смысловая структура текста полностью определяется апперцепцией реципиента и не существует «как самостоятельное дискретное образование». «Этим, – пишет далее А.И. Новиков, – возможно, и объясняется «ускользающая сущность» смысла». Принадлежностью же текста является структура содержания, «понимаемая как такое образование, которое формируется в сознании под непосредственным воздействием всей совокупности языковых средств, составляющих этот текст, и которое базируется на координатах объективной действительности, отражаемых сознанием и позволяющих ориентироваться личности в этой действительности» [Новиков 2001: 178 – 179].

Таким образом, в любом тексте репрезентируется некое ментальное содержание, объединенное наличием смысловой доминанты – авторского личностного смысла [Кинцель 2000: 35]. Смысловая доминанта «принципи-

ально несводима к совокупности языковых значений единиц текста», она «репрезентируется в изоморфных структурах речевой деятельности (текста) и обнаруживается при восприятии текста реципиентом» [Там же: 35], иначе говоря, смысловые отношения между продуциентом (автором) и реципиентом (читателем) оформляются в виде проекций и доминант, так как «именно в виде проекций и доминант осуществляется в тексте лингвистически формализованное движение смыслов» [Сулимов 2006: 47].

По мнению В.А. Пищальниковой, «единственным смыслообразующим центром художественного произведения» являются эмоции [Пищальникова 1991: 18], в связи с чем ею в рамках психолингвистического подхода к анализу текста развито представление об эмоциональной доминанте художественного текста.

В.П. Белянин также считает целесообразным при анализе художественного текста введение понятия доминанты (с его точки зрения, это понятие должно быть психологическим: в психологии доминанта обозначает временно господствующую рефлекторную систему, обуславливающую работу нервных центров организма и придающую поведению определенную направленность), с помощью которого «удобно анализировать его специфическое и общее». Исходя из вышеизложенного, В.П. Белянин полагает, что могут быть выделены доминанты речевого поведения и текстовой деятельности. Отмечая, что текстовая доминанта «может быть выделена по нескольким основаниям, в том числе – по идеологическому, образно-композиционному, жанровому, языковому», В.П. Белянин основное внимание уделяет эмоционально-смысловой доминанте, под которой понимает систему когнитивных и эмоциональных эталонов, характерных для определенного типа личности и служащих психической основой метафоризации и вербализации картины мира в тексте [Белянин 2000: 51–57]. Опираясь на такое понимание эмоционально-смысловой доминанты, В.П. Белянин предложил типологизацию художественных текстов, основанную на выявлении преобладающих в них эмоционально-смысловых доминант.

А.В. Кинцель также с позиции психолингвистики выделяет эмоциональную доминанту в качестве основополагающей в тексте любого типа, в том числе и нехудожественного [Кинцель 2000], В.А. Сулимов – когнитивную доминанту [Сулимов 2006]. Когнитивные доминанты – это «особые ментальные образования, которые соответствуют индивидуальным особенностям строения языковой картины мира автора текста / участника дискурса. Это явление структурирования индивидуальной языковой картины (картины мира) в наблюдаемых в тексте образованиях на синтаксическом, семантическом, коммуникативно-прагматическом уровнях языкового членения... Когнитивные доминанты отображают систему когнитивных трансформаций, произведенных индивидуальным языковым сознанием по модели «слово» – «текст» и отражающих «вертикальную» систему трансформаций элементов текста через уровни языковой абстракции (когнитивные ряды слов, когнитивные конфигурации, высказывания, фрагменты текста)» [Там же: 45].

В работах отдельных авторов развивается мысль о том, что виды и количественные соотношения текстовых доминант связаны с функциональным стилем речи [Геллер 1991; Москвин 2006]. В научном стиле, по мнению

Э.С. Геллер, с содержательной точки зрения преобладают такие доминанты, как информативная, инструктивная, демонстрационно-комментирующая, а также аналитическая и полемическая (под доминантой автор понимает, в первую очередь, доминирующий тип изложения). Наиболее распространенной Э.С. Геллер считает демонстрационно-комментирующую доминанту, выступающую в виде сопровождения к схемам и таблицам. Э.С. Геллер связывает реализацию текстовых доминант со «специфическим поведением в тексте синтаксических экспрессивных конструкций». Наиболее нагруженными в смысловом плане она считает аналитическую и полемическую доминанты, «предопределяющиеся в научном стиле его диалогизацией и обуславливающие... широкое использование в этом стиле абзацев типа ВОК – вопросно-ответного комплекса, который репрезентирует диалогичность в монологическом повествовании» [Геллер 1991: 10]. Следует отметить, что особая диалогизация такого текста достигается при помощи его делимитации – вынесения компонентов вопросительных конструкций в отдельные абзацы.

Мысль о стилевой специфичности текстовых системообразующих доминант высказывает и В.П. Москвин, считающий главной, доминирующей в художественном тексте словесную изобразительность: «...Как система художественная речь, – пишет автор, – может быть представлена лишь одним способом: путем выявления системообразующих доминант этого функционального стиля с последующим описанием основных средств и приемов их языкового воплощения. Одной из стилевых доминант художественной речи следует считать словесную изобразительность, под которой будем понимать образную интерпретацию действительности» [Москвин 2006: 57].

Л.А. Новиков предлагает выделять речевые доминанты, то есть доминантные речевые средства, «организующие целостное единство художественного текста в его эстетическом восприятии» [Новиков 1988: 31]. (Словесная изобразительность как стилевая доминанта, выделяемая В.П. Москвиным, – это одна из речевых доминант, о которых говорит Л.А. Новиков).

Таким образом, установка на поиск доминанты требует отказа от расчлененного (поуровневого, изолированного) подхода к наблюдаемому языковому материалу. В художественном тексте, представляющем собой «многомерную структуру», все средства, используемые писателем, направлены на раскрытие замысла в эмоциональной форме. Носителями авторской эмоции являются средства словесной изобразительности, ритм текста, его структура, которая способна активизировать восприятие читателя [Москальчук 1998: 208]. Чтобы содержание было адекватно воспринято реципиентом, оно должно быть определенным образом структурировано. Структура в тексте как синергетическом объекте является элементом содержания. Под влиянием эмоционально-смысловой доминанты смысловая и «формальная» стороны речевого произведения интегрируются в «эволюционирующую целостность» [Чернова 2002: 13]. Именно пространственная организация текста позволяет определить смысловую доминанту текста.

Как уже отмечалось, понятие доминанты определялось и с формальной точки зрения. Р. Якобсон определял доминанту как «фокусирующий компонент художественного произведения», который «управляет, определяет и трансформирует» другие компоненты, «обеспечивает интегрированность

структуры» и «специфицирует художественное произведение» [Якобсон 1976: 59].

На наш взгляд, в качестве такой специфицирующей доминанты можно также рассматривать особую делимитацию (членение) текста – делимитационную доминанту. Делимитационную доминанту мы понимаем как доминирующий тип членения текста (степень его расчлененности, включающей как членение на объемно-прагматические единицы – главы, разделы и абзацы, так и сегментацию предложения внутри абзаца). В письменном тексте (когда автор «помогает» читателю воспринять текст в соответствии с его авторскими, личностными смыслами) в качестве выделенного элемента – доминанты – выступает вербальный компонент – слово. Сам прием его выдвигания может быть оформлен при помощи особого структурирования текста: в первую очередь, путем вынесения данного слова в сильную позицию, к такому выдвиганию может привести использование эллиптической конструкции, парцелированной конструкции, конструкции с анаколумфами, обеспечивающими «скачок» в повествовании, или вынесение долженствующего доминировать элемента в отдельный абзац, то есть любой тип членения текста, включающий и его сегментацию на синтаксическом уровне.

Смена типа делимитации влияет на смыслообразование и смысловыражение в тексте: делимитация текста на фрагменты-абзацы, их смысловая группировка неразрывно связаны с выделением смысловых опорных пунктов, углубляющих понимание текста и выражающих его смысловую доминанту.

Делимитационная доминанта может входить как составной компонент в систему структурных доминант. Делимитационная доминанта может коррелировать с синтаксическими средствами (типами синтаксических конструкций), композиционными средствами и приемами. Все эти средства связаны со стилем речи, им обусловлены, то есть обусловлены коммуникативной заданностью текста. (Ср. структурный тип фрагмента текста с делимитацией на сегментированные отрезки и ложные абзацы / без такой делимитации: без сегментации и с традиционным членением на абзацы классического типа или приближающихся к таковым, то есть без нарушений правил графики.) Под делимитационной доминантой можно понимать степень «разреженности» текста (оппозицией будет «сгущение» текста), может быть, даже степень его синтаксической «разорванности», расчлененности, уровень вертикальной/ горизонтальной плотности.

Предположим, что средством, эксплицирующим делимитационную доминанту, может быть абзацный отступ, выполняющий различные функции: не только членения текста на абзацы, но и замещающий, например, вводящие слова чужой речи и знаки ее нормативного графического выделения, а также замещающий специальные вербальные «индикаторы значимости» [Артамонов 2001] – специальные слова и словосочетания (типа: «это самое главное» и т. п.), обращающие внимание реципиента на отдельные фрагменты текста при выделении актуальной (с точки зрения автора) информации в тексте. Из приводимой В.П. Москвиным цитаты-высказывания Б.А. Ларина («Поражают и запоминаются из книги, как свежие, лишь те слова, которые так искусно поставлены, что требует усилия мысли, как знак незнакомого» [Ларин 1923:

61]) выделим синтагму *так искусно поставлены*. Абзацный отступ как раз и помогает «так искусно поставить» слово, чтобы его значение максимально актуализовалось. В то же время абзацный отступ, с одной стороны, способствует вертикальной «растянутости» текста, а с другой – создает смысловую плотность за счет элиминации вербальных компонентов или их актуализации.

Установлено, что каждое литературное произведение имеет свой уникальный набор текстовых доминант [Бабенко 2003: 219]. Известно, что можно выделять специфические текстовые доминанты, характерные для идиостиля какого-либо автора. В частности, Т.Н. Маркова обращает внимание на «повторы, возвращения, хождения по кругу, блуждание в лабиринте», характерные для повествовательной манеры Л. Петрушевской. «...Это и есть стилевая доминанта прозы Петрушевской», – пишет автор. Т.Н. Маркова отмечает также такую характерную особенность прозы Л. Петрушевской, как сочетание «дробления / присоединения, членимости / непрерывности» интонационно-синтаксического рисунка, проявляющееся, с одной стороны, в разнообразных формах дробления фразы, с другой – в создании непрерывных присоединительных построений, разрушаемых графически при помощи абзацного отступа, а логически – при помощи семантического сдвига [Маркова 2004: 41 – 42]. Такая особенность прозы Петрушевской, как ненормативная членимость / непрерывность, может быть расценена в качестве дифференциальной делимитационной доминанты.

Делимитационная доминанта отличается от доминанты грамматической как совокупности «характерных для данного типа текста грамматических признаков», выделенной Е.И. Шендельс [Шендельс 1987: 143], тем, что она учитывает не только преобладающие в художественном тексте синтаксические структуры, экспрессивные конструкции и порядок следования компонентов, что составляет собственно синтаксическую доминанту, но и композиционные особенности, в первую очередь архитектурные, связанные с делимитацией текста и расположением его на пространстве страницы.

Таким образом, понятие текстовой структурной доминанты – это общее, инвариантное понятие, оно включает такие разновидности, как грамматические (морфологические и синтаксические) доминанты, рематические (выделенные на основе АЧ); сюда же можно отнести и делимитационную доминанту.

Так как проявление текстовых доминант связано с архитектурикой текста, с особым структурированием текста, с использованием экспрессивных синтаксических конструкций, основанных на сегментации текста или так или иначе с нею связанных, интерес при анализе конкретного текстового материала и выявлении в нем особенностей данных доминант представляет конвергенция сегментации синтаксических конструкций с абзацным отступом.

Интересный пример с амплификацией и выносом ее компонентов в новый абзац мы обнаружили в романе М. Булгакова «Белая гвардия» (сам по себе прием не очень для данного писателя характерный):

...Кроме того, Михаил Семенович не имел себе равных как оратор, кроме того, управлял машинами как военными, так и типа гражданского, кроме того, содержал балерину оперного театра Мусю Форд и еще одну да-

му, имени которой Михаил Семенович, как джентльмен, никому не открывал, имел очень много денег и щедро раздавал их займы членам «Магнитного триолета»;

*пил белое вино,
играл в железку,
купил картину «Купающаяся венецианка»,
ночью жил на Крещатике,
утром в кафе «Бильбокэ»,
днем – в своем уютном номере лучшей гостиницы «Континенталь»,
вечером – в «Праге»,
на рассвете писал научный труд «Интуитивное у Гоголя».*

Тема (Михаил Семенович) в данном фрагменте обозначается однократно, а далее, при развертывании синтаксической конструкции, приводятся только ремы. В вынесенных в отдельные абзацы синтагмах сначала логическим ударением выделяются предикаты (*пил, играл, купил*), находящиеся в неприкрытой начальной позиции абзаца; затем, в синтагмах с опущенным предикатом, – обстоятельственные распространители (*ночью, утром, днем*). Идущая после неполных синтагм, последняя в анализируемом фрагменте текста структурно и семантически полная строка получает логическое ударение также на распространителе – темпоральном обстоятельстве: «*на рассвете писал научный труд «Интуитивное у Гоголя»*». Такую синтаксическую конструкцию можно отнести к тема-рематическим структурам веерного типа с повторяющейся стабильной темой и разными ремами [Бабенко 2003: 202].

По мере разворачивания текстового поля меняется тип рематической доминанты: во фрагменте текста, расположенном от поля до поля страницы, – статальная доминанта, после точки с запятой переходящая в доминанту динамическую (*купил картину «Купающаяся венецианка»*), затем опять в статальную.

Кроме того, и, пожалуй, это главное, – меняется тип делимитационной доминанты, то есть меняется тип членения текста на абзацы: вместо традиционного членения прозаического текста на абзацы от поля до поля (как и написан весь текст романа) в данном фрагменте используется делимитация текста на короткие строки.

Следует отметить, что В.Б. Касевич называет следующие способы маркирования темы, на которые может опереться воспринимающий речь человек: 1) позиционный, 2) грамматический, 3) лексический и 4) фонетический [Касевич 1988: 257 – 258]. Первый и последний способы являются, по его мнению, универсальными, в то время как остальные два представлены в одних языках, но отсутствуют в других. Таким образом, даже частичная позиционная перестройка текста, заключающаяся в положении позиции синтагмы на странице (вынос в абсолютное начало строки), может способствовать более яркому выражению авторского смысла, доминантной идеи текста. В результате такой перестройки предложения «коммуникативный акцент» [Арутюнова 1988] получают все слова, стоящие в абсолютном начале абзаца, равного короткой строке. Абзацный отступ способствует повышению коммуникативной весомости и семантической значимости отдельных элементов высказывания.

Материал анализируемого произведения показал, что М. Булгаков избегает парцелированных конструкций. Продолжительную паузу, характерную для разделения консеквента и антесеквента в парцелированных конструкциях, в анализируемом фрагменте текста данного автора заменяет межбазная пауза. Таким образом, проблему множественности логического ударения в рамках одного предложения М. Булгакову удастся решить путем вынесения части синтагм, составляющих амплифицированную конструкцию, в новые абзацы, вернее, используя прием монтажа текста из коротких строк. Абзацный отступ используется здесь для внутреннего озвучивания текста, указывает на необходимость паузирования и логического ударения на тех элементах, которые выносятся в абсолютное начало каждой строки.

Кроме того, данный фрагмент текста интересен тем, что здесь используются эллиптические конструкции, структурная неполнота которых непосредственно графически оформляется («днем – ...; вечером – ...», а в предыдущей строке – «утром в кафе «Бильбоксэ» – тире опускается). Происходит количественное (линейное) сокращение компонентов синтагм, причем сначала за счет распространителей, а затем за счет предикатов (то есть основных компонентов – амплификаторов, хотя в данном случае можно говорить и о том, что происходит смена амплификатора: первый ряд – *не имел, управлял, содержал, имел и раздавал, тил, играл, купил*; второй ряд – *ночью, утром, днем, вечером, на рассвете*; в последней синтагме оба ряда смыкаются).

Н.И. Жинкин отмечал, что развитие мысли требует смены грамматических оборотов [Жинкин 1958]. Следовательно, за внешними, количественными изменениями стоят глубинные факторы.

Перцептивная перестройка текста приводит к переоценке значимости некоторых составляющих его элементов и повышению нагрузки на каждую синтагму и словоформу – всякий конструктивный элемент фразы становится более значимым. Происходит актуализация важных в смысловом отношении элементов текста с помощью дезавтоматизации их восприятия. Из положения постпозиции элемент переносится в абсолютно сильную для разговорной речи позицию начала высказывания и приобретает особую значимость.

Таким образом, смена структурной доминанты служит средством презентации доминантного личностного смысла автора данного текста.

Отметим, что в творчестве М. Булгакова такое структурирование текста не является характерным. Можно констатировать, что он относится к авторам, первыми применившими такой прием.

В творчестве А.И. Солженицына конвергенция экспрессивных синтаксических конструкций с выносом в абзац является типичной. Например, рассмотрим использование парцелированных конструкций, взяв в качестве материала для исследования (для удобства анализа методом сплошной выборки) самое маленькое из крупных произведений А.И. Солженицына – повесть «Раковый корпус».

Материал показал, что в тексте указанной повести используются практически все типы (структурные и функциональные) парцелированных конструкций, выделенные и описанные (на другом материале) учеными (Ю.В. Ванников, Е.А. Иванчикова, А.П. Сковородников, Т.С. Рубенкова и др.). Статистика такова: всего в данном тексте автором употреблено около

200 единиц парцеллированных конструкций, в том числе со сказуемыми-глаголами – 62 %; подлежащими – 4,6 %; дополнениями – 10 %; обстоятельством – 10 %; определениями – 4,6 %, придаточными предложениями – 8,2 %.

Таким образом, в анализируемом тексте можно наблюдать значительный количественный перевес случаев парцелляции сказуемых, что обусловлено их наибольшей частотностью в русском языке вообще. Н.Н. Мясничева в качестве основных причин данного явления (частотности сказуемых) называет следующие: 1) сказуемые, занимая центральное место в семантической структуре высказывания, являются экстенциональными элементами предложения; 2) оказываясь коммуникативным центром высказывания, сказуемые «захватывают» центральную позицию в структурной организации предложения [Мясничева 1990: 161].

А.И. Солженицын выстраивает целые фрагменты текста с помощью парцелляции однородного ряда сказуемых: *«Этим языком он себе выговаривал плату там, где не заработал. Клялся в том, чего не делал. Распинался, чему не верил. И кричал на начальство. И обкладывал рабочих. И укрючливо матюгался... И анекдоты выкладывал жирнозадые, только всегда без политики. И волжские песни пел. И многим бабам... врал, что не женат, что детей нет, что вернется через неделю и будет дом строить...»*

Н.Ю. Шведова описывает подобные конструкции как «дань языковой моде – навязчивое нанизывание отчлененных синтагм одной на другую» [Шведова 1966: 149]. Можно было бы также предположить, что вынос каждого члена однородного ряда сказуемых (с их распространителями) за пределы предложения обусловлен стремлением избежать возможной однотонности в построении высказывания: не напрасно Е.А. Панова отмечала, что «...перечислительные построения в целом представляют собой достаточно однообразный тип конструкций» [Панова 1986: 9].

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что в данном фрагменте текста сегментированными оказываются однородные члены, расположенные по принципу восходящей линии, которая на смысловом уровне проявляется не только во все более дробной детализации тезиса, расположенного в антесеквенте (*выговаривал плату*), в наращивании экспрессии (каждый член однородного ряда сказуемых является более «насыщенным» и «впечатляющим»: *выговаривал, клялся, распинался, кричал, обкладывал, матюгался, выкладывал, пел, врал*), – иначе говоря, представляет собой многокомпонентную конвергенцию климакса (восходящей градации) и парцелляции, выполняющей изобразительную функцию, – но и в повышении динамики высказывания: отмечено, что глагольные формы, накапливаясь на определенном участке, всегда привносят динамику. Как пишет Г.Г. Москальчук, «...перечислительный ряд обладает замечательным динамическим свойством: предконечный элемент перечисления обязательно несет самое сильное динамическое выделение, стягивает к себе все компоненты ряда к мелодической вершине, после чего перечислительная мелодема синтаксического ряда переходит в завершающую. Перечисления и однородность нагнетают однотипные ритмико-мелодические впечатления, усиливают синтагматическое напряжение в линейном ряду, создают впечатление множественности, однонаправ-

ленного движения, что также передает и усиливает идею развития...» [Москальчук 1998: 213] В анализируемом фрагменте предконечным элементом является синтагма *И волжские песни пел* с вершиной на слове *пел*, являющимся кульминацией всего перечислительного ряда и при экстраполяции в устную форму выделяющемся тонально. Глагол *врал*, произносимый с понижением тона, завершает ряд действий, которые привели к естественному, по мнению автора, финалу: то, что случилось с языком персонажа (Поддуева), – заслуженная кара.

Таким образом, парцелляция, кроме изобразительной, выполняет здесь также и эмоционально-выделительную функцию. Сегментация высказывания делает более значительными отдельные части синтаксической структуры, повышает субъективное звучание каждой синтагмы, находящейся в консеквенте, меняет «характер интонационного контура» (Москальчук) текстового фрагмента.

Интересным приемом в анализируемом материале представляется парцелляция инфинитива, оторванного от связки (форма будущего сложного времени у глагола несовершенного вида): *«Я вынужден буду говорить в минздраве о порядках в этой клинике. И звонить товарищу Остапенко»*, или, что встречается значительно реже, сегментация на две части единственного сказуемого, а именно: отсечение краткого страдательного причастия от формы прошедшего времени глагола «быть»: *«Обстоятельства такие: была операция ребенку по поводу высокой непроходимости кишек, заворот. Сделана»*. Самым редким проявлением парцелляции сказуемого является парцелляция единственного сказуемого, отделение его от подлежащего. Е.А. Иванчикова особо подчеркивает, что в письменной речи такие парцелированные конструкции невозможны, они свойственны лишь устной разговорной речи, и автор, применяя их, стремится максимально приблизить речь персонажей своего произведения к живому разговорному языку [Иванчикова 1968: 292]. В исследуемом тексте зафиксировано два таких случая, первый из которых употреблен в прямой речи: *«– Это все Запад! Хочет нас растлить»*; другой был использован в авторской речи и применен с вынесением глагола-сказуемого в новый абзац (такое использование парцелированных конструкций, как уже отмечалось, очень характерно для стиля А.И. Солженицына: конструкции с выносом парцеллята в новый абзац составляют 11 %): *А из какой-то двери – за три двери до него – показался беленький халатик, очень переуженный в поясе, такой сразу знакомый.*

Вега!

Шла сюда!

Подобная сегментация высказывания (с выносом единственного сказуемого в консеквент) представляет собой в большинстве случаев внутреннюю (несобственно-прямую) речь, которая имеет иное, чем внешняя, сокращенное строение. Кроме того, характерной чертой внутренней речи, по наблюдениям А.Р. Лурия, является то, что она начинает становиться «чисто предикативной речью». Автор считает, что «тема» сообщения уже включена в сообщение и не нуждается в специальном обозначении. Таким образом, «остается лишь вторая семантическая функция внутренней речи – обозначение того, что именно следует сказать о данной теме, что нового следует при-

бавить, какое именно действие следует выполнить и т. п.» Иначе говоря, тема известна – она (во всех случаях выноса сказуемого в консеквент) в анте-секвенте. По мнению А.Р. Лурия, «внутренняя речь по своей семантике никогда не обозначает предмет, никогда не носит строго номинативный характер, то есть не содержит «подлежащего»; внутренняя речь указывает, что именно нужно выполнить, в какую сторону нужно направить действие. Иначе говоря, оставаясь свернутой и аморфной по своему строению, она всегда сохраняет свою предикативную функцию» [Лурия 1979: 426].

И.Н. Горелов, говоря о грамматико-синтаксической реализации внутренней программы при порождении речи (точнее, об одном из этапов перехода внутренней речи в собственно текст), выделяет следующие характерные черты такого «глубинного синтаксиса»: 1) отсутствие обозначения тематического подлежащего (субъекта); 2) постпозиция определения к любому существительному; 3) контактное расположение обозначения действия, прямого дополнения или обстоятельства – вне зависимости от норм, регулирующих поверхностную синтагматику [Горелов 1987: 195].

Следует отметить, что в письменном тексте внутренняя речь утрачивает свою «аморфность», так как это уже не столько собственно внутренняя речь, сколько художественный прием, ее имитирующий. «Свидетельством» бывшей аморфности выступает явление сегментации и парцелляции в частности. Таким образом, при переходе внутренней речи во внешнюю (письменную) сохраняется некоторая фрагментарность и свернутость, вернее будет сказать, автор сохраняет данную свернутость и фрагментарность с целью приблизить читателя к адекватному авторскому замыслу восприятию произведения. Кроме того, такая «модульность в способе подачи информации» увеличивает «зрительную образность» текста, если говорить о внешнем его восприятии: каждый модуль – синтагма, равная предельно короткому абзацу, – представляет собой «некий заверченный информационный файл» [Маркина 2001: 18], своеобразную картинку или кадр. Иначе говоря, с выносом парцеллята-сказуемого в новый абзац повышается наглядность в подаче текстовой информации.

Подобным же образом воспринимается и парцелляция в отдельный абзац других членов предложения:

Олег выметнулся, выбежал – гулять!

На простор!;

ни на Кавказе, ни в ресторанах он никогда не бывал, а в нарпитовских довоенных столовых давали голубцы и перловую кашу.

Шашлык!;

Прошка всем им пожал руки и еще с лестницы, весело оборачиваясь, помахивал им.

И уверенно спускался.

К смерти.

В последнем случае парцелированные второстепенные члены предложения не только вынесены в отдельные абзацы, но и включены в последовательную парцелляцию: парцеллят, номинирующий центральную тему повести (*к смерти*), в свою очередь относится к слову, которое также является парцеллятом. Здесь особенно ярко видна изобразительная функция парцел-

ляции, построенная на основе контраста (*весело... уверенно... – к смерти*). Вынесение парцеллятов в абзац делает этот контраст еще более резким. Тем самым автор достигает высокой экспрессивности и эмоциональности высказывания.

Как отмечает Г.Г. Москальчук, размер предложения (в лексемах) и размер абзаца (в предложениях) являются репрезентантами мелких порций смысла, обычно заданными автором. «И хотя, – пишет Г.Г. Москальчук, – они автором сознательно не планируются в процессе творчества, определенным образом учитываются читателем» (в данном высказывании Москальчук имеется в виду любого автора) [Москальчук 1998: 94]. Т.С. Рубенкова, анализируя явление парцелляции в поэтической речи XIX и XX веков, обращает внимание на то, что эффектность парцеллированной конструкции зависит не только от ее местоположения в строке, но и от соотношения антесеквента и консеквента по степени графической распространенности, то есть по объему [Рубенкова 1999: 16].

К данному выводу можно добавить, что такое же восприятие сохраняется и в прозаическом тексте, особенно когда в консеквенте оказывается только одна словоформа. Приведем достаточно большой фрагмент текста в качестве примера, иначе невозможно будет уловить тот «символико-синтаксический тон» (А.П. Журавлев), который задается как синтаксическими конструкциями определенной модели, так и композиционным распределением их в тексте: *Если б не этот охват рака по шее, Ефрем Поддуев был бы мужчина в расцвете. Ему еще не сравнялось полуста, и был он крепок в плечах, тверд в ногах и здрав умом. Он не то, что был двужильный, но дву-хребетный, и после восьми часов мог еще восемь отработать как первую смену. В молодости на Каме таскал он шестипудовые мешки, и из силы той не много ubyло, он и сейчас не отрекался выкатить с рабочими бетономешалку на помост. Перебывал он во многих краях, переделал пропасть разной работы, там ломал, там копал, там снабжал, а здесь строил, не унижался считать ниже червонца, от полулитра не шатался, за вторым литром не тянулся – и так он чувствовал себя и вокруг себя, что ни предела, ни рубежа не поставлено Ефрему Поддуеву, а всегда он будет такой. Несмотря на силу, на фронте он не бывал – бронировали его спецстроительства, не отведать он ни ран, ни госпиталей. И ничем никогда не болел – ни тяжелым, ни гриппом, ни в эпидемию, ни даже зубами.*

И только в запрошлом году первый раз заболел – и сразу вот этим. Раком.

Фрагмент состоит из трех абзацев, объем и синтаксическая сложность которых последовательно сокращаются. В данном фрагменте три парцеллята: первый в большом, базовом абзаце (состоящем из нескольких предложений разной степени развернутости) – однородное сказуемое с распространителями (*И ничем никогда не болел – ни тяжелым, ни гриппом, ни в эпидемию, ни даже зубами*); второй парцеллят – такая же синтагма, вынесенная в самостоятельный абзац (*И только в запрошлом году первый раз заболел – и сразу вот этим*); третий парцеллят – зависимая одиночная словоформа, также структурно оформленная как абзац (*Раком*). Причиной информационного напряжения в данном фрагменте текста является избыточность

глаголов-сказуемых и личного местоимения «он» в базовой части. Кроме того, все синтаксические приемы, используемые автором в базовой части, состоящей из двух абзацев, – повторы, нагромождение деталей, усложнение синтаксической структуры, многократный повтор союза *и* и отрицательных частиц подчеркивают ту последовательность, с которой развиваются события или с которой герой воспринимает их. Это развернутое описание подготавливает наступление кульминации (подчеркнутое указательным местоимением с частицей *вот этим* и глубокой продолжительной психологической паузой), которая структурно и семантически реализуется в последнем консеквенте (*Раком*).

Однородность структуры текста нарушается за счет его абзацной расчлененности, а также за счет «флуктуаций» плотности элементов в различных ее фрагментах (больших абзацах, объединяющих несколько предикативных единиц в один «поток» и вынесенных за их пределы – в отдельные абзацы – сегментов предложений), вследствие чего возникает неравномерное распределение языковой материи: «области с повышенной концентрацией элементов чередуются с областями, характеризующимися их разрежением» [Чернова 2002: 13].

Таким образом, корреляция размера антесеквента и консеквента, контраст длин абзацев (базового и составляющего парцеллят), их структуры (ССЦ / предложение / одна зависимая словоформа), различия и сходства в размерах отдельных порций смысла, их общее соотношение в линейной последовательности дискретных единиц, образующих целое, создают динамику формы и то синтагматическое напряжение, которое возникает в речевом ряду в процессе его развертывания как соотношение между предшествующими и последующими его компонентами. Парцелляция в отдельный абзац выступает в данном случае в качестве знака-актуализатора, существенно влияющего на восприятие текста. Ритмико-графический облик текста, обусловленный характером его синтаксической организации (обилием парцеллированных конструкций), обнажает авторские смыслы и отражает внутреннюю динамику художественной речи.

Мы считаем, что данные смыслы не являются «эвентуальными» (Г.И. Климовская), то есть возникающими только по непрогнозируемому намерению автора. Особенность творческой манеры А.И. Солженицына – это намеренная прогнозируемость всех смыслов, «закладывание» такой системы, которая должна обнаруживать все ярусы смысла: первый ярус образуют те смыслы, которые являются «обязательными», то есть поэlementно соотносящимися с «фактами конситуации», возникающими (передающимися языковыми единицами) в соответствии с языковыми нормами; второй ярус – это те «вычлененные стилистические смыслы», которые улавливает искушенный читатель в результате восприятия и интерпретации текста.

Возникающие в результате вторичного семиозиса смыслы в художественной прозе А.И. Солженицына по большинству своему можно отнести к так называемым «регулятивным» (термин Г.И. Климовской) смыслам, стилистический эффект которых заключается в «маневренном управлении читательским восприятием «смысловых масс» текста со стороны его автора» [Климовская 1992: 17]. Г.И. Климовская считает такие смыслы, с одной сто-

роны, «глубинными», то есть имеющими только опосредованную опору на элементы знаковой формы текста, с другой (по характеру соотношения их содержания и формы его выражения) – символическими, но в то же время понятными опытному, культурному читателю.

Символическое значение в тексте проанализированных синтаксических сегментированных конструкций заключается в способности поддерживать, подчеркивать общую эмоциональную настроенность (эмоциональную доминанту) фрагмента текста. По выражению А.П. Журавлева, «синтаксический уровень – это уровень не элементов, а отношений, поэтому и синтаксический символизм – это <...> содержательность не элементов (как фонетический), а типов отношений между элементами, другими словами, – это содержательность формы синтаксических конструкций». А.П. Журавлев считает, что так же, как и содержательность формы на других уровнях, синтаксический символизм четко не осознается носителями языка и носит подсознательный характер. Этот аспект семантики не играет самостоятельной роли в языке, он несет лишь дополнительную, в основном эмоционально окрашенную информацию [Журавлев 1987: 44 – 56].

Как показал проведенный анализ, эмоционально-смысловая доминанта формируется структурами определенной модели и отношениями между этими моделями, в которых синтаксические конструкции и композиционные приемы «создают самостоятельный рисунок синтаксической содержательности» [Там же: 46]. Таким образом, эмоциональная, смысловая и синтаксическая содержательность зависят в тексте от особенностей его делимитации, то есть структурной делимитационной доминанты.

Выявление структурных доминант и особенностей их взаимодействия в тексте позволяет углубить имеющиеся представления о структуре текста в целом и его смысле.

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов В.Н. Выделение как способ членения текста и предложения на более значимое и менее значимое. Индикаторы значимости // Средства номинации и предикации в русском языке. М., 2001. С. 76 – 80.

Арутюнова Н.Д. От образа к знаку // Мышление. Когнитивные науки. Искусственный интеллект. М., 1988. С. 147 – 162.

Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М., 2003.

Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе). М., 2000.

Булгаков М.А. Белая гвардия // Избранная проза. М., 1983. С. 15 – 256.

Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М., 1979.

Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1965.

Геллер Э.С. Синтаксические средства экспрессивности и их роль в абзаце научных текстов (на материале специальной литературы по физике): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1991.

Горелов И.Н. Разговор с компьютером. Психолингвистический аспект проблемы. М., 1987.

Жинкин Н.И. Механизмы речи. М., 1958.

Журавлев А.П. Содержательность синтаксической формы (Синтаксический символизм) // Вопр. языкознания. 1987. № 3. С. 46 – 57.

Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Иванчикова Е.А. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции // Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968. С. 78 – 86.

Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.

Кинцель А.В. Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора. Барнаул, 2000.

Климовская Г.И. Стилистическая культура атрибутивного смыслового акцентирования в современном русском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1992.

Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М., 1988.

Ларин Б.А. О разновидностях художественной речи. Семантические этюды // Русская речь. Пг., 1923. Ч. 1. С. 60 – 63.

Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979.

Маркина Н.А. Текст как способ презентации языкового сознания: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.

Маркова Т.Н. Поэтика повествования Л. Петрушевской / Русская речь. 2004. № 2. С. 37 – 44.

Москальская О.И. Грамматика текста. М., 1981.

Москальчук Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста. Барнаул, 1998.

Москвин В.П. Художественная речь как система // Русский язык в школе. 2006. №7. С. 57 – 61.

Мясищев Н.Н. Конструкции разговорного синтаксиса в современной художественной прозе (Парцелляция в повести А. Приставкина «Ночевала тучка золотая») // Текстовый аспект в изучении синтаксических единиц. Л., 1990. С. 159 – 163.

Новиков А.И. Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики. М., 2001. С. 155 – 180.

Новиков Л.А. Язык и художественное познание: Методологические заметки об эстетическом освещении действительности // Методология лингвистики и аспекты изучения языка. М., 1988. С. 29 – 37.

Панова Е.А. Перечислительные конструкции в стихотворном синтаксисе А.С. Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.

Пищальникова В.А. Концептуальный анализ поэтического текста. Барнаул, 1991.

Рубенкова Т.С. Парцелляты и инпарцелляты в поэтической речи XIX и XX веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 1999.

Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: Опыт системного исследования. Томск, 1981.

Солженицын А.И. Раковый корпус. М., 1991.

Степанов Ю.С. Французская стилистика. М., 1965.

Сулимов В.А. Когнитивное описание языка и его культурологическая интерпретация: когнитивные трансформации // Филол. науки. 2006. № 1. С. 40 – 47.

Ухтомский А.А. Доминанта. М. – Л., 1966.

Чернова М.М. Ритмомелодическая структура как компонент процесса самоорганизации текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2002.

Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966.

Шендельс Е.И. Внутренняя организация текста // Иностраный язык в школе. 1987. № 4. С. 140 – 147.

Якобсон Р. Доминанта // Хрестоматия по теоретическому литературоведению. Т. 1. Тарту, 1976. С. 30 – 91.

Н.В. Семенова

ГРАММАТИЧЕСКАЯ НЕДИФФЕРЕНЦИРОВАННОСТЬ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Одной из заслуг Веры Арсеньевны Белошапковой является введение в научный обиход понятия «недифференцированная синтаксическая связь»¹. Выделив ее как «особый, свойственный только сложному предложению и не представленный на уровне связи формы слова» (с. 236) специфичный вид структурной организации бессоюзных предложений (БСП), она впервые обратила внимание на феномен имплицитных различий в сфере синтаксических явлений, которые в значительной степени определяют конструктивный, семантический и коммуникативный аспекты сложного предложения. Недифференцированная синтаксическая связь – лишь одно из многих, но, пожалуй, самое яркое свидетельство симметрии/асимметрии последних, позволяющее дать адекватное «описание структуры сложного предложения и той стороны его семантики, которая создается этой структурой» (с. 235). Такое описание, по ее мнению, и должно составлять главную задачу грамматики.

В обосновании нового понятия Вера Арсеньевна строго придерживалась принципов, в явной и неявной форме сформулированных ею за долгие годы работы над проблемами сложного предложения. Эти принципы, которые сегодня уже с полным на то основанием можно назвать *лингвистическими идеями В.А. Белошапковой*, состоят в следующем: 1) при описании слож-

¹Концепция недифференцированной синтаксической связи была изложена В.А. Белошапковой в ее вузовском учебнике «Современный русский язык. Синтаксис» 1977 года, по которому далее и даны текстовые ссылки.